

27.4.95

Краснополюский Владимир

Двоюродные братья Владимир Краснополюский и Валерий Усков родились, как Ширвиндт с Державиным, в одном родильном доме. Было это шестьдесят два года назад на Урале, и Усков так рвался на волю, что опередил брата Краснополюского на полтора месяца. По рассказам бабушек, их коляски ставились рядом, и если один начинал плакать, тут же начинал плакать другой. С этого вокального дуэта и началось творческое сотрудничество авторов телевизионных бестселлеров 70-х "Тени исчезают в полдень" и "Вечный зов".

В. Краснополюский. До сих пор не могу ему простить, что он в школе не давал мне списывать математику.

В. Усков. Неправда: я решал свою задачу, а пока он рисовал курочек на промокашке, решал и его.

В. Краснополюский. Ничего подобного. Не давал. Решит, а потом говорит: "Не дам". Он же школу с золотой медалью окончил. Зато сейчас я соображаю в расчетах лучше раз в пять.

В. Усков. Это правда. Он все сечет, а я — нет.

— **Так вы еще и ссоритесь?**

В. Краснополюский. Недавно в машине так поссорились, что оба чуть не вылетели в разные стороны.

— **И из-за девушек бывали ссоры?**

В. Краснополюский. Мы никогда не ухаживали за одной женщиной. Если какая-то понравится, спичку тянули или монетку бросали.

В. Усков. Если мы начнем перечислять наши виковские романы, многие еще сохранят прелесть и красоту женщины могут на нас обидеться.

— **Хочу отдать вам должное. До мексиканцев вы первыми усадили всю страну за телевизор. Когда шли "Тени...", в магазинах исчезали очереди.**

В. Усков. Однажды мы получили такое письмо. "Группа домохозяек многоэтажного дома благодарит создателей фильма "Тени исчезают в полдень". Дело в том, что по вечерам до нашего шестнадцатого этажа не доходит горячая вода. Когда шел ваш фильм, с семи до девяти, хозяйки нижних этажей сидели у телевизора и вода до нас доходила. Спасибо вам за фильм".

В. Краснополюский. Честно говоря, мы не ожидали такой реакции. До этого самым длинным сериалом считался "Вызываем огонь на себя" — четыре серии, а у нас "Тени" — семь. Что это успех, поняли, когда на просмотр сбежался весь "Мосфильм". Сразу после первых трех серий Юлиан Семенов предложил нам делать "Семнадцать мгновений весны", но мы отказались: еще были не досняты "Тени", и потом, мы уже читали сигнальный вариант книги "Вечный зов". Опять Сибирь, почти те же герои...

— **По-моему, зрители воспринимали ваши картины как народный фольклор?**

В. Усков. Писали просто: "Москва. Председатель колхоза Захару Большакову". Популярность Петра Вельяминова была колоссальная. Когда он приезжал в деревню, с ним советовались по поводу посевов. Это высшее достижение в искусстве, когда героя воспринимают как реально существующего человека. А ведь артист Вельяминов — стопроцентный дворняжка. У него родословная от Вельяминовых со времен Ивана Грозного. Отец — полковник царской армии, за что Петр и пострадал: он ведь десять лет в тюрьме просидел. Но хочу заметить, что врожденный аристократ, истинно благородный человек всегда дорог и простым людям. Он был так же хорош и доступен в сапогах и телогрейке.

— **Как ваши фильмы смотрели в Кремле?**

В. Краснополюский. Друзья шутили: "Брежнев плакал, Суслов плакал", — только непонятно, как Суслов мог плакать, когда он собственного референта не узнавал. Спрашивал: "Вы кто?"

В. Усков. В то время были такие "красные папки", и в одной из них "Вечный зов" фигурировал как подарок очередному съезду партии. Нам позвонили: Андропов, председатель КГБ, срочно хочет смотреть фильм. Мы потом донимали его шофера: "Ну как?" — "Нам с Юрием Владимировичем, — отвечал шофер, — фильм нравится". Тем не менее картина была остановлена, и мы полтора года поджидали уже снятые сцены арестов и допросов 37-го.

— **Тем не менее за "Вечный зов" вы в 79-м получили Государственную премию СССР. Что это тогда значило — машина, дача, правительственные обеды?**

В. Краснополюский. Я вам отвечу: это пять тысяч рублей.

В. Усков. ...и еще медаль с определенным количеством золота.

В. Краснополюский. Многие режиссеры брали три тысячи себе, а две отдавали на группу. Мы спросили: "Сколько человек можно выдвинуть?" Сказали: "Предел — четырнадцать". Мы так и сделали. Разделили на четырнадцать пять тысяч, и еще каждому досталось по медали. Мы тогда очень гордились, что Государственную премию дали Вадиму Спиридонову, — а ведь он сыграл у нас отрицательного героя, Федора. В тот же день все пропили в ресторане Дома кино.

В. Усков. Нам было не стыдно ее получить и не стыдно носить.

— **Вы ощущали конкуренцию с Бондарчуком и Озеровым — тогда только они имели право на беспрецедентные по масштабу постановки?**

В. Краснополюский. Мы не думали, что у нас могут быть конкуренты, — ведь Сибирь уже стала нашей!

В. Усков. Потом мы делали свои масштабные постановки из ничего: на первые многосерийные фильмы была смета, как на фильмы-спектакли. А у нас — костюмы, кони, деревни в тьмутаракани — без столбов, в грязи. Мы делали все за счет напряжения и самоотверженности актеров. Большие актеры у нас работали — Лапиков, Копелян, Басилашвили...

В. Краснополюский. Когда с картиной в глушь приезжали, нам говорили: "Экое место вы сняли! Вы сами-то косите и на тракторе умеете ездить? Как у вас люди-то все хорошо делают!" Все делали сами. Я и косить умею, и трактор, и танк вожу.

— **Такое ощущение, что вы коренные сибиряки?**

Москва киношники - 1995. - 27 апр. - с. 4

МЫ ГОВОРИМ КРАСНОПОЛЮСКИЙ, ПОДРАЗУМЕВАЕМ — УСКОВ

Для них открыты даже царские палаты

В. Краснополюский. Мы не из Сибири, мы с Урала. У меня мама была классическая балерина, танцевала в Свердловском театре оперы и балета, а папа — в театре музыкальной комедии, так что все балеты, оперы и оперетты мы знали наизусть.

В. Усков. Мама моя — врач, а папа был агроном и, кстати, редактор живой газеты "Комсомолец". Буря жизни, конечно, отца смела: аресты, ссылки. В одной документальной книге о нем написали: "Ваня Усков повел яичку по пути культурничества: стал устраивать балы-маскарады, танцульки, концерты, подводя под это свою идеологию — с политической мы успеваем, а пока молодцы, вселиться надо". Отец был из очень благополучной, преуспевающей семьи. У них было имение в Вохме — это такой дикий городок на Севере, весь в лесах. Извозчик у них был. Крепкая крестьянская семья, но дед был грамотный и большой умелец — он мог с топором сделать что угодно. Дед был частью природы; в этом далеком северном крае он чувствовал себя хозяином — понимал восход, движения ветра, знал все травы. В этом была его чистота. Потом все рухнуло, и они, как у нас в "Тенях", поехали куда-то на этих телегах. Так наша семья оказалась в Свердловске, где я и родился.

— **Как его звали?**

В. Усков. Мелентий. В "Ермаке" мы так назвали богатого светлого русского мужика, его играет Петя Вельяминов... А по линии мамы прадед был прекрасный скрипичных дел мастер, но когда напился, приходил в мастерскую и все скрипки ломал.

— **Как же вы, такие сибирские ребята, попали во ВГИК?**

В. Краснополюский. Для нас Москва долгое время оставалась чужим городом. Когда Пырьев нас взял на "Мосфильм", с нами полугода никто не разговаривал: выскочки приехали из Свердловска. Помню, он нас вызывал: "Читайте сценарий, после завтра придете, скажете, готовы ли снимать". Мы прочитали — и ничего не поняли. Решили посоветоваться с Траубер-

гом, нашим хуруком, а он: "Вам Иван дал сценарий, а вы еще чего-то не понимаете?" Приходим. Сидят Юткевич, Райзман, Пырьев: "Ну, что, орлы?" Валерий говорит: "Ты сам начини, а то я начну заикаться..." — "Я, Иван Александрович, ничего не понял; я, видимо, до "Мосфильма" не дорос!" — "А ты, Усков? (Он, когда сердился, его Усковым звали.) Сценарий-то хоть принесли?" Взял его, подошел к окну — и как-то вышвырнет в окно!!! Повернулся и говорит: "Спасибо, что я в вас не ошибся. Что вы приехали работать, а не г...о снимать..."

— **И ведь не ошибся. Ваш "Неподсуден" в конкурсе "Советского экрана" в 69-м был назван лучшим фильмом года вместе с "Братьями Карамазовыми", а Олег Стриженов — лучшим актером. Кстати, фильм имел грандиозный успех у зрителей, а критики, по-моему, его ругали?**

В. Краснополюский. Критики говорили: "Знаете, какой единственный недостаток у вашей картины — что это мелодрама!" Как Чиаурели, правая рука Сталина, учил снимать Райзмана? "Один праздник, одна смерть, одно рождение, две песни, а остальное — сэрп и молот, сэрп и молот, сэрп и молот". Так вот, у

нас в картине была только первая половина.

В. Усков. Зрители ломали кинотеатры. Картина им нравилась: там блистательно сыграли Людмила Максакова и особенно Олег Стриженов.

— **Как вам работало со Стриженовым, он ведь тогда был суперзвездой?**

В. Усков. Природа создала для кино очень красивого человека. Когда мы его приглашали, у него уже был конфликт с Госкино, был даже приказ, запрещающий его снимать, — он сорвал несколько картин. Он мог плюнуть и уйти со съемок. Очень крутой человек. Потом мы его поняли. Дело не в нервном характере пьющего человека, а в том, что он страшно не любил халтуру. Как только он чувствовал режиссерскую немощь или убогость замысла, он говорил: "Jamais". И уходил. Для него было важно, чтобы ему было интересно работать. Если этого не случилось, он сразу становился скучным, грустным и грубым.

В. Краснополюский. Однажды он устроил скандал в костюмерной из-за того, что художник по костюмам после длительного перерыва в съемках дал ему не ту рубашку, а он — профессионал, он помнит, какая у него была рубашка.

В. Усков. Он помнит, на какой ноте закончил сцену: картина через месяц снимается, и он тут же подхватывает тот же уровень темперамента. Я его недавно встретил — есть в нем бес. Когда он одевал костюм летчика и выходил из костюмерной, все затихало. Он был настоящий герой-любовник. Умел любить, умел смотреть, умел слушать. Хотя начинал он, говорят, не очень складно. В массовке. Режиссер кричал: "Это кто такой белокрылый сидит в кадре? Уберите его — он кадр портит!"

— **В ваших фильмах много любовных сцен. Не было желания снять их пооткровеннее?**

В. Усков. Пырьев нам все время втолковывал, что русскому искусству не свойственна откровенность. В нем есть святая тайна. У русских баб в характере какая-то стыдливость, неслучайно они надевали тысячу юбок. Вы за-

дайте этот вопрос Краснополюскому. Он больше рвался разорвать, раздеть, оголить.

В. Краснополюский. Все любовные сцены снимаю я. Я не стесняюсь. Зато Валерий любит их потом придирчиво отсматривать. Некоторые пытались раздобыться между мной и им. Один человек точно сказал: "Знаешь, ты бы (это он обо мне) много наворотил. Валерий помогает тебе отсыпаться". По-моему, у нас прекрасное единство скорости и ума.

— **Мне кажется, режиссеры сегодня должны вам завидовать: вам досталось время, когда в кино работали большие актеры, а многие в ваших сериалах сыграли просто свои лучшие роли?**

В. Усков. У нас актеры не играли, а жили жизнью героев. Вадима Спиридонова, царство ему небесное, однажды выкинули из такси. Шофер к нему присматривался-присматривался и вдруг — раз! — на тормоза: "Ты Федора играл? Ты зачем Ваньку предал?" После того как сняли сцену, где Федьку убивают, Вадим долго лежал на траве, лицом вниз. Я даже испугался. А он, оказывается, плакал. "Я с Федором все эти годы жил".

В. Краснополюский. С Борисом Новиковым, нашим "загребшим под фанфары", недавно случилось несчастье. Он шел в магазин за яйцами и упал. Яйца не разбил, но сломал шею бедра и не мог подняться. Так прохожие его узнали и на руках принесли домой. Вот что такое любимый артист! Кстати, к слову, что значит "артист живет жизнью героя"? Исполнитель роли Ермака — это фильм, который мы сейчас снимаем, — Виктор Степанов после того, как мы Ермака убили, сел в машину и начал разбивать ее о деревья. Вот какой был у актера стресс. Он ведь на съемках сломал шею бедра, и мы шесть месяцев стояли. "Я выжил в Ермаке!" — кричал.

— **У вас такой уровень травматизма на картине?**

В. Краснополюский. У нас бои колоссальные. Одному актеру в азарте руку прорубили, другому щеку порезали. Две "скорые" стояли. У нас последний бой был тяжелый.

— **Кстати, о последнем бое, то бишь вашем "Ермаке". Вы ведь снимаете его уже лет десять. Скоро вас занесут в Книгу рекордов Гиннесса — начали в пятьдесят лет, а заканчиваете в шестьдесят?**

В. Усков. Боюсь, как бы не дотянуть до семидесяти.

— **Я слышала, на "Ермаке" метил Голливуд?**

В. Краснополюский. Велись переговоры с крупнейшим американским продюсером Дино де Лаурентисом. На главного героя он предлагал Д? Л? Курта Рассела. Со Шварценеггером мы почти договорились. Он даже снизил наполовину сумму гонорара. Мы уже искали ему коттедж в Прибалтике и даже договорились с финскими поварами. Но в феврале 91-го в связи с известными событиями в Прибалтике все рухнуло. Ну, и к счастью, — представляете Шварценеггера с топором?

— **А вы действительно с "Ермаком" не на шутку размахнулись? Говорят, вы одели Ирину Алферову в натуральные драгоценности эпохи Ивана Грозного?**

В. Усков. Начинали мы действительно с размахом. Для нас специально строили восемнадцать веселых кораблей-строгов, да еще по историческим чертежам. В Сибирь шли эшелонами с лесом — настоящие ханские городки построили вдоль рек. Костюмы из настоящих мехов — шубы царские, боярские, костюмы донских казаков, запорожских, ханских властелинов, народов Севера. Все — из настоящей кожи. Украшения из драгоценных камней — нас три раза обкрадывали. Оружие, колчуги по пятнадцать килограммов. Во всем этом скакать, да еще драться! У актеров сердечные приступы были на съемках. Настоящие шаманы снимались.

— **Какая-то цепь роковых событий на ваших картинах. На "Вечном зове" умер Копелян, на "Ермаке" — Евстигнеев...**

В. Усков. Когда умер Ефим Копелян, мы вынуждены были заменить его на другого актера, на него очень похожего. Они, кстати, учились на одном курсе. Когда актер приехал в группу, гримеры оторопели. Вошел Копелян. Только голос другой и манера игры. Потом он сказал, что больше не может выдерживать груз ответственности — иметь одно лицо с Копеляном и жить в его городе. И уехал из Ленинграда навсегда... А Евстигнеев блестяще сыграл у нас Ивана Грозного! Нам впервые открыли царские палаты в Кремле, куда до этого пустили только именитых зарубежных гостей. Евгений Александрович снимался в настоящих царских шубах, с настоящим царским реквизитом. Евстигнеев, великий актер, достоин был этого антуража.

В. Краснополюский. Когда он в образе входил в Кремлевские палаты, было ощущение, что Кремль вновь обрел своего хозяина.

— **Я так понимаю: нужно иметь недюжинное здоровье, чтобы работать на ваших картинах, — а вы сами-то ведете здоровый образ жизни?**

В. Краснополюский. Я студентом занимался борьбой, играл в волейбол. В Свердловске играл с Ельциным. Я — за университет, а он — за Уральский политехнический. Он злой был в игре, если команда проигрывала. И на каток с девушкой не стыдно было пойти. Катался с матерью Егора Гайдара, Ариадной, — она была нашей учительницей истории в университете. Что не помешало ей поставить мне двойку на экзамене.

В. Усков. Он не сказал, что мы лет десять в теннис играем. Какое-то время мне с Краснополюским было скучно играть. Играл он слабо, но я терпел, тренировал его. Потом он связался с ребятами из сборной России и стал играть здорово. Один наш приятель сказал, что теннис — это даже лучше, чем общение с женщиной. Мы пока с Краснополюским так не считаем. Знаете, когда берешь в руку ракетку, чувствуешь себя сильным, и опять есть надежда, что тебя полюбит молодая девушка. Хороший я вам финал придумал?

— **О-бал-деть!**

Наталья РТИЩЕВА.